

ПУТЕШЕСТВИЕ
трех
КОРОЛЕ
ВИЧЕЙ
Серебрист
ских

ПЕРЕЛОЖЕННОЕ С ПЕРСИДСКОГО
ЯЗЫКА НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ТРУДАМИ
МЕССЕРА ХРИСТОФРА АРМЯНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА

Неустановленный автор

**Путешествие трех
королевичей Серендипских**

«Издательство Ивана Лимбаха»

1557

УДК 821.131.1-343.403.131.1
ББК 84.3(4Ита)51-45-021

автор Н.

Путешествие трех королевичей Серендипских / Н. автор —
«Издательство Ивана Лимбаха», 1557

ISBN 978-5-89059-476-1

«Путешествие трех королевичей Серендипских» – анонимный сборник итальянских сказочных новелл, вышедший в 1557 году и пользовавшийся общеевропейской известностью. Он стал источником мотивов, которые встречаются в самых разных литературных произведениях – от вольтеровского «Задига» до «Имени розы» Умберто Эко. По сюжету, три юных принца из Серендипа (старинное название Шри-Ланки) отправляются в путешествие, чтобы познать нравы иных народов и научиться мудрости. В своих странствиях они встречают гордых султанов, прекрасных цариц и коварных волшебников, разгадывают хитроумные загадки и благодаря своей проницательности спасают королевства от гибели. Волшебные превращения соседствуют здесь с нравоучительными наставлениями, насилие и жестокость – с доводами в пользу смирения и благочестия.

УДК 821.131.1-343.403.131.1
ББК 84.3(4Ита)51-45-021

ISBN 978-5-89059-476-1

© автор Н., 1557
© Издательство Ивана Лимбаха, 1557

Содержание

От переводчика	7
Путешествие трех королевичей Серендипских, переложенное с персидского языка на итальянский трудами мессера Христофора Армянина	11
Светлейшему синьору Маркантонио Джустиниано[7],	11
Вступление	13
Путешествие трех королевичей Серендипских	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Путешествие трех королевичей Серендипских

© Р. Л. Шмараков, перевод, 2022

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2022

© Издательство Ивана Лимбаха, 2022

* * *

ПУТЕШЕСТВИЕ ТРЕХ КОРОЛЕВИЧЕЙ СЕРЕНДИПСКИХ

*Перевод с итальянского
Романа Шмаракова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2022

От переводчика

– Когда вы его видели? – спросил келарь.

– А мы и не видели его вовсе, правда, Адсон?

Читатель, в самом начале «Имени розы» знакомящийся со способностью Вильгельма описать коня, которого он не видел, скорее всего, не задается вопросом, как этот сюжет попал к Умберто Эко, тем более что тот, подобно многим авторам, брал свое там, где находил. Возможно, читатель вспомнит, что схожая история вышла с вольтеровским Задигом: он сумел описать, не видя их, сбжавшую болонку царицы и лучшего коня царских конюшен, хотя от своей проницательности получил больше неприятностей, чем славы. Если читатель не занимался специально историей этого сюжета, он вряд ли знает, что за «Именем розы» и «Задигом» стоит еще одна книга, в свое время пользовавшаяся всеевропейской известностью, – книга, которую можно рассматривать как примечательный новеллистический сборник, порожденный Италией XVI века, а можно – как колоритный эпизод в предыстории европейского детектива.

В 1554 году некий армянин по имени Христофор, о котором мы знаем лишь то, что он сам счел нужным сообщить в своей книге¹, предпринимает путешествие из родного Тебриза на Запад ради знакомства с нравами и обычаями франков и попадает в Венецию. Республика тогда была в союзе с Сефевидами, правителями Персии, против общей для них турецкой опасности, так что выбор Венеции для выходца из Сефевидской державы был вполне естественным. Христофор провел здесь три года, и в Венеции ему так нравилось, что он не думал ее покидать. По его словам, чтобы воздать за любезности, оказанные ему венецианцами, он воспользовался своим знанием языков и при участии некоего друга сочинил книгу, попавшую к Микеле Трамеццино. Трамеццино, родом из Рима, увезенный оттуда в младенчестве во время Разграбления 1527 года, осел в Венеции и вел успешную издательскую деятельность; его обильная продукция была отмечена изображением Сивиллы на титульном листе. Издавал Трамеццино, помимо прочего, итальянские версии рыцарских романов; в частности, именно у него выходили книги перуджийского нотариуса Мамбрино Розео, плодовитого переводчика всего того, что современному читателю известно по обсуждениям в «Дон Кихоте», – «Пальмерина Оливского» с его потомками «Прималеоном» и «Платиром», «Амадиса Гальского» и пр. В 1557 году в печатне Трамеццино выходит в свет книга Христофора – «Путешествие трех королевичей Серендипских» (*Peregrinaggio di tre giovani figliuoli del re di Serendippo*).

Основной источник, из которого переведены (или перелицованы) составные части «Путешествия», – поэма Амира Хосрова Дехлеви «Восемь райских садов» (1301), последняя часть его «Пятерицы», имеющая образцом поэму «Семь красавиц» Низами Гянджеви (1197). Вследствие этого главным героем «Путешествия» оказывается «император Берамо», то есть легендарный Бахрам V, сын Йездигерда, правитель Ирана из династии Сасанидов (421–439), гонитель христиан, враг Византии, герой многих поэтических произведений и персонаж множества легенд, где он выступает то полководцем, то увлеченным охотником, то пылким любовником. В «Путешествии» объединяются элементы, взятые из этих двух поэм², с добавлением некоторых других, возможно заимствованных из устной традиции.

---

¹ Высказывали сомнения в том, что Христофор – лицо реальное; Теодор Бенфей считал его литературной маской Страпаролы. Но Ренцо Брагантини нашел в венецианских архивах упоминание о некоем армянине, знатоке восточных языков (арабского, персидского и пр.), близком друге Джузеппе Трамеццино. Джузеппе, племянник Микеле Трамеццино, издателя «Путешествия», сам был опытным переводчиком с восточных языков (в частности, арабского). Соблазнительно считать этого безымянного армянина-полиглота Христофором, а Джузеппе Трамеццино – тем «дорогим другом», что помогал ему в переводе. См. Cristoforo Armeno 2000, XXVIII–XXXI. *Здесь и далее примечания переводчика.*

² При этом перестраивается схема «семь рассказов, по одному в каждый день недели» с мусульманской недели (с субботы

Перечислим эпизоды «Путешествия», для которых обнаруживается правдоподобный источник:

* * * рамочная новелла: три королевича Серендипа (Цейлона), высланные отцом из страны, приходят в царство Берамо и дают доказательства своей проницательности – первая новелла (суббота) «Восьми райских садов» (Амир Хосров Дехлеви 1975, 42–62);

* * * ссора и примирение Берамо и Дилираммы (сюжетная линия, завершающаяся в конце книги) – Бахрам и Деларам на охоте в «Восьми райских садах», куда сюжет, в свою очередь, попал из «Семи красавиц» (Амир Хосров Дехлеви 1975, 14, 18–29; Низами Гянджеви 1986, 99–110);

* * * рука из моря – «Океан сказаний» (Сомадева 1967, 41);

* * * загадки королевы, ищущей мудрого жениха, – «Семь красавиц» (Низами Гянджеви 1986, 211–213; набор загадок разный);

* * * семь дворцов, построенные для исцеления Берамо, и семь девиц, в них поселенные, – «Восемь райских садов», заимствовавшие сюжетом из «Семи красавиц» (Амир Хосров Дехлеви 1975, 30–38; Низами Гянджеви 1986, 125–137);

* * * первая новелла (понедельник): превращение императора в олениху и попугая, коварство советника и его наказание – третья новелла (понедельник) «Восьми райских садов» (Амир Хосров Дехлеви 1975, 92–110, включая вставную историю о блуднице, требовавшей платы за соитие в сновидении);

* * * вторая новелла (вторник): требование королевы, чтобы муж отчеканил ее вместе с собой на монетах, и его попытки уклониться – эпизод на охоте, с требованием сделать из самки самца и обратно, заимствован из «Восьми райских садов» (Амир Хосров Дехлеви 1975, 19);

* * * третья новелла (среда): изваяние золотого льва, сделанное по заказу государя, обман златокузнеца, раскрывшийся из-за легкомыслия жены, и его находчивость – вторая новелла (воскресенье) «Восьми райских садов» (Амир Хосров Дехлеви 1975, 66–88);

* * * четвертая новелла (четверг): Раммо, сын султана, волшебными средствами наказывает неверную мачеху и ее любовника – шестая новелла (четверг) «Восьми райских садов» (Амир Хосров Дехлеви 1975, 186–212);

* * * пятая новелла (пятница): смеющееся изваяние и лицемерные женщины – седьмая новелла (пятница) «Восьми райских садов» (Амир Хосров Дехлеви 1975, 216–238);

* * * шестая новелла (суббота): любовь Джуллы и Феристено, искусство составлять розовые букеты и прокладывать подземные ходы, своенравный тиран и его посрамление – сильно переработанная четвертая новелла (вторник) «Восьми райских садов» (Амир Хосров Дехлеви 1975, 114–144); в частности, вся христианская составляющая принадлежит переводчику³.

Таким образом, «Путешествие», хоть и создано из экзотического материала, в жанровом смысле представляет собой вещь, хорошо известную к тому времени в итальянской литературе: обрамленный сборник новелл. В XIV веке образец его давал, кроме «Декамерона»⁴, созданный под его влиянием «Пекороне» Джованни Флорентийца, в XV веке – «Порретанские новеллы» Джованни Сабадино дельи Арьенти, а уже незадолго до книги Христофора Армя-

---

по пятницу) на христианскую (с понедельника по воскресенье).

³ Подробнее об источниках «Путешествия» см.: Cristoforo Armeno 2000, XIV–XVI, XXXIII–XXXV; Bragantini 2008, 302–306. Из семи новелл «Восьми райских садов» в «Путешествие» не вошла ни в каком виде лишь пятая (среда), притча о тщетности всех наших устремлений.

⁴ С очевидным различием в функциях рамки: у Боккаччо действующие лица рамки сами рассказывают вставные новеллы; в «Путешествии» действующие лица рамки создают ситуацию, в которой будут рассказаны вставные новеллы, и уходят из сюжета, а в финале узнают лишь о лечебном воздействии рассказанных новелл, но не об их содержании. Кроме того, «Путешествие» никак не затронула тенденция рафинированной новеллистики (проявившаяся, например, у Фиренцуолы) придавать рамке черты диалога, в особенности платоновского.

нина – «Беседы» Аньоло Фиренцуолы (их «Первый День» был издан в 1548 г.), «Забавы» Джироламо Парабоско (изданы в 1550 г.) и «Приятные ночи» Джованфранческо Страпаролы (1550–1553). От большинства этих книг «Путешествие» отличается (сближаясь в этом с «Приятными ночами») сказочным характером сюжетов. Его мир – не итальянский город, но условный Восток, полный важными мудрецами, гордыми царями и философами, неотличимыми от волшебников; здесь из моря выходят огромные руки, по лесам бродят императоры в обличье лани, а демоны верно служат султанским сыновьям. Вследствие решительности, с какой Христофор и его сотоварищ перекроили композицию «Восьми райских садов», сюжет рамки оказался связан не столько с Берамо, сколько с тремя сыновьями короля Серендипского: их выездом из дома начинается сюжет, а умение описать верблюда, которого они не видели, становится первой демонстрацией их мудрости за пределами родного королевства⁵.

Выйдя в 1557 году, «Путешествие» оказалось в одном ряду с новеллистическими сборниками богатого на новеллистику итальянского XVI века: кроме упомянутых, стоит назвать еще первые три части новелл Маттео Банделло (1554). И хотя «Путешествие» неловко упоминать в одном ряду с таким изощренным рассказчиком, как Банделло, – человеку, читающему книгу Христофора, доставят много досады громоздкие предложения, настойчивые напоминания о не успевших забыться обстоятельствах, изнурительная мелочность повествования, скудный набор излюбленных формул, с которыми он столкнется в оригинале или поневоле познакомится благодаря добросовестности переводчика, – однако даже Банделло не знал такой славы за пределами Италии, какая выпала на долю стилистически непритязательного «Путешествия». В 1583 году вышел немецкий перевод Ветцеля; в 1719 – французский перевод Де Майи (*De Maily*); с французского сделаны английский (1722) и голландский (1766) переводы; с нового немецкого (1723) – датский (1729); наконец, одна из самых важных переработок «Путешествия» – роман Бероальда де Вервиля «Путешествие удачливых принцев» (*Le Voyage des Princes Fortunez*, 1610).

Во французском переводе Де Майи «Путешествие», вероятно, прочел Хорас Уолпол (1717–1797), известный отечественному читателю как отец-основатель готического романа («Замок Отранто») и менее известный как автор блистательно-абсурдных «Иероглифических сказок». Благодаря Уолполу в английском языке появилось слово *serendipity* (согласно современному словарному определению, способность совершать удачные открытия по случайности). Тут мы возвращаемся к сюжету, с которого начали, – визитной карточке трех одаренных принцев. В письме к Хорасу Манну (28 января 1754) Уолпол употребляет слово *серендипность*, «очень выразительное», которое «проще понять из его происхождения, чем из определения». «Я как-то читал, – продолжает Уолпол, – глупую сказку под названием „Три принца Серендипских“: путешествуя, их высочества по случайности или по своей прозорливости совершали открытия, к которым не стремились. Например, один из них догадался, что мул, прошедший недавно по дороге, был слеп на правый глаз, потому что трава была общипана только с левой стороны, хотя она там хуже, чем с правой. Теперь вы понимаете, что такое *серендипность*?»⁶

⁵ К. Гинзбург обращается к этому сюжету в знаменитой статье об уликовой парадигме. «Три брата, разумеется, являются носителями охотничьего типа знания (даже если сказка и не называет их охотниками). Этот тип знания характеризуется способностью восходить от незначительных данных опыта к сложной реальности, недоступной прямому эмпирическому наблюдению. Можно добавить, что эти опытные данные всегда подлежат такому упорядочению, которое ведет к порождению нарративной цепочки; в своем простейшем виде эта цепочка может быть сведена к формуле „здесь кто-то был“. Возможно, сама идея рассказа (как чего-то, отличного от заговора, заклинания или молитвы) впервые возникла в сообществе охотников, из опыта дешифровки следов. В пользу такого предположения – разумеется, не поддающегося прямому доказательству – мог бы свидетельствовать и тот факт, что риторические фигуры, на которые до сих пор опирается язык охотника-следопыта: часть, замещающая целое, следствие, замещающее причину, – соотносятся с осью метонимии (организующей для прозаического языка) и полностью исключают ось метафоры. Охотник в этом случае оказался бы первым, кто „рассказал историю“, потому что он был единственным, кто мог прочитать в немых (а то и почти незаметных) следах, оставленных жертвой, связную последовательность событий» (Гинзбург 2004, 197–198; далее см. с. 215–217).

⁶ Перевод по: *Serendipity and The Three Princes* 1965, 6. О том, в каком переводе и издании Уолпол читал «Путешествие»:

* * *

Наш перевод выполнен по изданию «Путешествия», подготовленному Ренцо Брагантини в серии *I novellieri italiani* (Cristoforo Armeno 2000). Одна оговорка о словоупотреблении. *Re* и *reïne*, действующие на сказочном Востоке, могли бы быть по-русски царями и царицами. Однако в «Путешествии» рядом с этими владыками действуют императоры, у них есть бароны и вассалы, мажордомы и камерарии, а обращаются к ним *Sire* и *Madama*; в этих обстоятельствах «король» и «королева» кажутся уместнее. Кроме того, фьяба Гоцци *Re Cervo*, заимствующаяся сюжетом из нашей книги, по-русски традиционно называется «Король-олень».

ЛИТЕРАТУРА

Амир Хосров Дехлеви 1975 – Амир Хосров Дехлеви. Восемь райских садов / Пер. А. Ревича. М., 1975.

Гинзбург 2004 – Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология истории. М., 2004.

Низами Гянджеви 1986 – Низами Гянджеви. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Семь красавиц / Пер. В. Державина. М., 1986.

Сомадева 1967 – Сомадева. Повесть о царе Удаяне. Пять книг из «Океана сказаний». Пер. с санскрита П. А. Гринцера и И. Д. Серебрякова. М., 1967.

Bragantini 2008 – Bragantini R. The Serendipity of the Three Princes of Serendib: Arabic Tales in a Collection of Italian Renaissance Short Stories // Le répertoire narratif arabe médiéval, transmission et ouverture: actes de Colloque international (Liège, 15–17 september 2005). Genève, 2008. P. 301–308.

Cristoforo Armeno 2000 – Cristoforo Armeno. Peregrinaggio di tre giovani figliuoli del re di Serendippo. A cura di Renzo Bragantini. Roma, 2000.

Serendipity and The Three Princes 1965 – Serendipity and The Three Princes: From the *Peregrinaggio* of 1557. Ed. by. Theodore G. Remer. University of Oklahoma Press, 1965.

**Путешествие трех королевичей Серендипских,
переложенное с персидского языка на итальянский
трудами мессера Христофора Армянина**

**Светлейшему синьору Маркантонио Джустиниано⁷,
сыну светлейшего синьора Джироламо,
прокуратора Святого Марка**

Вэти жаркие дни, светлейший и превосходнейший синьор, я с помощью одного дорогого моего друга ради развлечения перевел с персидского наречия на итальянский язык это сочинение, и хотя все прочее скорее отвращало меня от мысли его напечатать, однако, побежденный уговорами человека, весьма меня любящего, я позволил убедить меня издать оное в свет. Но, осведомленный, что и здесь, как бывает обыкновенно в моем краю, находится достаточно хулителей и людей злоязычных, которые, не умея явить миру никакого плода своих дарований, дабы убедить всех, что и они могут выносить суждения, в большинстве случаев рассчитывают придать себе важности, порицая чужие труды, я понимаю, что мне надобно найти некую защиту, дабы оградить каким-то образом мою книжечку от их языков. Я полагаю, что легко этого добьюсь, посвятив и даровав ее вашей светлейшей милости, неизменно поддерживаю-

---

⁷ *Маркантонио* – старший сын Джироламо Джустиниано (1470–1532) и Аньезины Бадоев (ок. 1472–1542; парный скульптурный портрет этой супружеской четы хранится в Эрмитаже); родился между 1490 и 1495 г., в июне 1516 г. избран на должность *procuratore di Ultra* (прокуратор районов за Каналом).

щей всякого одаренного человека: так как ваше имя весьма славно и знаменито благодаря редким качествам, вам присущим, я уверен, что покровительствуемые вами надежно ограждены от такового злословия. Кроме того, я извлеку из сего еще одну выгоду: немало обязанный вашей милости по многим любезностям и благосклонности, какие вы оказывали мне во всякое время, и не способный по скудости средств дать иное свидетельство моей признательности, посвящением вашей милости сего труда я позволю вам убедиться, что, если и не могу выказать сердечную благодарность иным способом, во всяком случае знаю, что подлинно вам обязан. Итак, мне остается почтительно просить у вашей милости изволения принять мой маленький подарок с тем душевным расположением, с каким я подношу оный. С признательностью за эту и многие другие любезности, оказанные мне вашей милостью в разное время, я, хотя и сознаю свою слабость, за всем тем обещаю вашей светлейшей милости, что и в этом городе, и в любом другом уголке мира, где мне доведется побывать, не устану восхвалять многочисленные ваши достоинства и возносить до небес славное и досточтимое ваше имя. Почтительно целую ваши руки. 1 августа 1557.

Вашей светлейшей милости признательный и преданный слуга, Христофор Армянин

Вступление

Да будет вечно славен Господь Бог, Создатель семи небес, четырех элементов и всех прочих вещей, что зрятя на земле, Творец человека, превосходящего всех остальных животных, которому Он даровал не только разум, дабы с его помощью созерцать Его Божество, но и язык, дабы благодарить за оказанное ему благодеяние. Когда я, бедный грешник Христофор, армянин из города Тавриза⁸, пребывал еще в своем краю, я многократно слышал в разных разговорах, что в землях франков⁹ обретается великое число мужей, наделенных благородным и высоким умом, о чем легко заключить по прекрасным и удивительным вещам, которые обретаются в их пределах. По этой причине меня охватило величайшее желание повидать такие земли, находящиеся преимущественно во власти христиан, где я мог бы узнать обряды Иисусовой веры и обыкновения государей, чего, будучи христианином, всегда желал в высочайшей степени. Итак, с помощью Господа Бога я отправился во Франкию, и первым местом, куда я попал, оказался город Венеция, который, в целом свете не находя себе подобного, кажется, от самого начала создан рукой Господа и ничьей другой. Город расположен на море, и во всяком его углу можно передвигаться по земле и по воде, затем что всюду находятся крытые лодки, называемые гондолами, которые отвозят человека, куда он ни пожелает. Дворцы и дома по большей части с двумя входами: один – на воду, через него доставляется на лодках все потребное семейству, другой – на улицу, через него всякий входит и выходит, как ему угодно. В этом городе не увидишь иных существ, кроме мужчин и женщин отменной красоты и статности, в то время как у нас непрестанно ходящие ослы и верблюды обыкновенно причиняют невероятные неудобства. Улицы весьма чисты и хорошо мощены. Взору там является много церквей и прекраснейшие дворцы великой ценности. Кроме того, там много лечебниц, где мужчины находятся отдельно от женщин и где всякому изумительно служат: у них своя одежда, отменной белизны, и свои врачи, которые непрестанно ухаживают за больными, подавая им всяческое лечение. Там весьма блюдут справедливость и не допускают, чтобы кому-нибудь чинили обиду, и каждый усиленно старается исполнять заповедь Божию. Живут там по законам, и люди, отправляющие правосудие, наделены многой мудростью и великой добродетелью. Кроме прочего, там много обиталищ, где бесплатно живут бедные чужеземцы, чему верный свидетель – я сам, три года напролет проживший в покоех, приличных моему состоянию, без всякой платы. Не припомню, чтобы я когда-либо бывал в городе, более щедром на милостыню и более сострадательном к бедным. Посему, влюбившись в столь прекрасные обычаи и нравы, я совсем забыл о моих краях, и если иной раз приходит мне мысль туда вернуться, кажется, что мой дух тотчас меня от нее отводит. Я узнал здесь людей, весьма прилежных во всяком ремесле, и по многим любезностям, какие были мне оказаны в их городе, пожелал для их удовольствия с помощью одного дорогого моего друга перевести с моего языка на итальянский «Путешествие трех королевичей Серендипских»: а так как я уверен, что эта книга по красоте своей принесет великую отраду читателям, то надеюсь снискать их благосклонность.

---

⁸ Тебриз, главный город персидского Азербайджана, в первой половине XVI в. – столица Сефевидов.

⁹ Выражение относится к Западу вообще.

Путешествие трех королевичей Серендипских

Был в древности в восточных краях, в стране Серендипской, великий и могучий король по имени Джаффер¹⁰, который, имея трех сыновей и зная, что должен оставить в их распоряжении великую власть, как мудрый и любящий отец, рассудил также наделить их всякою добродетелью, какая требуется в государе. Посему, тщательно обыскав все свое государство, он нанял нескольких человек, несравненных в различных науках, и, назначив им жилье, куда никому другому не позволено было входить, обширное и богатое, что подобало их положению, поручил им заботиться о его сыновьях и учить их, уверив, что они не могут сделать ничего ему приятней, чем наставлять юношей так, чтобы их можно было признать достойными его сыновьями. Взявшись за их воспитание, наставники старались каждый в своей науке исполнить приказание господина, так что в короткое время сделали юношей, наделенных прекраснейшим разумением, мудрей и искушенней в науках и всех вещах, какие требуются от государя, паче всякого другого человека их лет и состояния. Извещенный о том король, не в силах поверить, что юноши столь быстро сделали такие великие успехи, рассудил за нужное учинить им испытание. Недолго мешкая, он призвал к себе старшего сына и молвил:

– Ты знаешь, сын мой, как долго я нес бремя такой могучей державы и правил столь великим королевством и как я всегда посильно старался управлять моим народом и вассалами с той любовью и милосердием, на какие только был способен, и исполнять, сколько мог, заповедь Божию. Теперь, когда я пришел в преклонные лета, будет справедливо, чтобы я, так долго заботившийся о благе моих подданных и областей, подчиненных моей державе, в той немногой жизни, что мне остается, обратил помыслы к себе самому и к спасению своей души. Поэтому, решив уйти в монастырь неподалеку, где бы я мог в тишине размышлять над моими прегрешениями и вредом, причиненным своей душе, творя покаяние столь великое, какое только смогу, дабы стяжать милосердие Господа Бога и вымолить у Него прощение всем моим неправдам, я пожелал призвать тебя и приказать, чтобы ты, мой старший сын, наследовал управление моим государством и державой, прося прежде всего, чтобы ты почитал своих братьев как сыновей, оказывая им такую заботу и окружая их такой любовью, какая им подобает. Потом – чтобы ты, с каждым соблюдая равную справедливость, во всех своих делах имел пред очами Божественное Величие, управляя подданными и вассалами твоей державы с милосердием и любовью; наипаче же – чтобы, всегда принимая тех, кто находится в бедном и жалком состоянии, и со всякою любезностью почитая людей пожилых и отягченных летами и наказывая людей преступных и злонамеренных, ты прилагал всю свою возможность к исполнению законов и заповедей Божественного Величия и этой державы.

Такие речи и решение отца внушили немалое изумление мудрому и рассудительному сыну, и он, должным образом почтительно поклонившись, отвечал так:

– Сир, я прекрасно уразумел ваше решение и увещание, которым вы препоручили мне исполнить вашу волю. Понимая, однако, что будет предосудительно, если мне при вашей жизни придется править и владеть вашей державой, я знаю также, что не найти гла́за такой величины, чтобы выдавался выше брови, и не найти блеска, равного солнечному; пока живы вы, бровь и солнце вашей державы, я считаю неподобающим, чтобы другой правил и владел ею. Поэтому я готов немедля исполнить все, что вы мне велели, но да не будет никогда такого, чтобы при вашей жизни – и да дарует вам Господь наш долгие и счастливые лета – мне пришлось наследовать вам на царстве. Когда же случится такое, что Господь Бог призовет вас к Себе, тогда, конечно, я приму попечение и правление и в согласии с вашими мудрыми и свя-

---

¹⁰ Арабское имя Джафар.

тыми наставлениями постараюсь, сколько будет возможно, справедливо и со страхом Божиим править и распоряжаться державой.

Такой ответ рассудительного сына весьма утешил и возвеселил короля, этим первым испытанием обнаружившего в юноше добродетель, подобающую мудрому и скромному государю. Но, скрыв на ту пору радость своего сердца, он отослал сына и, желая учинить двум другим такое же испытание, немедленно позвал к себе второго. Обратив к нему такую же речь, что и к первому, он получил от него следующий ответ:

– Сир, да будет долгим и счастливым ваше владычество и дарует вам Господь Бог Ноевы лета; сделайте милость, скажите мне, коли выберется сейчас из своей маленькой норки муравей, будет ли он способен владеть и править целой державой? Что я такое, если не бессильный и крошечный муравьишка? Как могу я принять управление столь великим королевством? Кроме того, разве не жив и не пребывает в добром здравии брат мой, ваш старший сын, которому по праву надлежит быть вашим преемником?

Безмерно довольный этим скорым и мудрым ответом второго сына, король смиренно, с сердечной приверженностью благодарил Господа Бога, сделавшего его отцом такого достойного сына. Отослав от себя и этого, он велел прийти младшему и обратился к нему ту же речь, которую держал перед другими. В ответ юноша молвил:

– Как могу я, сир, да наделит вас Господь Бог многими годами счастливой жизни, – как могу я, будучи еще в нежном отрочестве, принять столь тяжелое и важное бремя? Я считаю себя чем-то вроде капли воды, а державу вашу – подобной пространному и бескрайнему морю. Как возможно, чтобы я мог или умел править столь великой державой? Но вы, видя, что я совсем еще дитя, смеетесь надо мною и, препоручая дела такой трудности, находите себе забаву в моих обстоятельствах. Я, сир, хотя и отрок, однако по милости Божией имею довольно разума, чтобы сознавать свои силы и способности, и понимаю, что вы надо мною смеетесь, ибо, даже будь это не так, – разве нет у меня двух старших братьев, которым вы должны были бы поручить великое бремя державы?

От пронизательного ответа отрока король пришел в безмерное изумление и, увидев в сыне удивительную остроту ума, остался сим безмерно утешен. Удостоверившись таким образом из беседы со всеми тремя сыновьями, сколь великие успехи сделаны ими в науках, и вняв их мудрым и рассудительным ответам, он надумал, чтобы придать им полное совершенство, отправить их повидать свет, дабы своим опытом изучили обычаи и обхождение многих народов, о чем уже довольно сведали из чтения книг и учительского наставления. На другой день он позвал их сызнова и, притворяясь сильно разгневанным и делая вид, что истолковал в дурную сторону единодушный их отказ принять заботу о государстве и их нежелание повиноваться, произнес пред ними такую речь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.